

УДК 303.022: 81'42

Е.И. Ядченко

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ТЕМЫ «МИГРАЦИЯ», РЕАЛИЗОВАННОЙ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДИСКУРС-КАРТИНЕ МИРА БЕЖЕНКИ

Статья выполнена в рамках лингвистического дискурс-анализа. Объектом исследования выступает содержание лейтмотивного глубинного интервью с беженкой из Афганистана, проживающей в Беларуси. В результате первичного анализа автором были выделены базовые темы, заявленные в дискурсии беженки, описана специфика индивидуального тематического членения мира на определённые фрагменты. В данной статье представлен опыт вторичного глубинного анализа структурно-семантического наполнения темы «Миграция», реализованной в качестве отдельного блока в тематической структуре дискурсии беженки. На методологически-операциональном уровне автор использует понятие дискурс-картины мира и предлагает возможность её реконструкции из индивидуального дискурса респондента. Статья демонстрирует потенциал лингвистической методологии для социальных наук и предлагает интегративный взгляд на исследуемый объект.

Введение

Одним из новых направлений в исследовании языка и мышления явился в последние десятилетия *дискурс-аналитический подход* [1–4]. В отличие от традиционной лингвистики, лингвистика дискурса смещает акцент с устойчивых коллективных языковых структур, хранящих в себе отпечатки мышления, на индивидуальные подвижные речевые и событийные структуры и тем самым вносит поведенческий компонент в исследование. Среди прочих подходов к дискурс-анализу в последние годы утвердилась *каузально-генетическая теория* (КГТ) И.Ф. Ухвановой [2; 4; 5]. Объектом исследования дискурс-анализа в КГТ выступает текст в социальном контексте [5, с. 12], в его информативной и интерактивной данности, в единстве его «контентной» (собственно содержательной) и контекстной (ситуационной) составляющих [6]. С позиции КГТ дискурсное пространство конституируется через «взаимодействие ее двух видов содержания, которые могут быть представлены как картина мира и картина кортежного взаимодействия» [5, с. 21].

В данной публикации мы сфокусировали внимание на теме «Миграция», которую мы реконструируем из дискурса респондента во взаимодействии таких её составляющих, как «Беженство» и «Интеграция в новые социокультурные условия». В рамках КГТ *реконструкция* – это «восстановление объективной реальности на основе изучения текстов, т.е. выявление того, что существовало до текста и что получило в нём отражение» [3, с. 52]. Реконструкция темы «Миграция» из дискурсии осуществляется посредством следующих шагов:

1) рассмотрение индивидуального смыслового наполнения феномена миграции (причины, оценка, аргументация этапов и шагов миграции) и его локализацию в дискурс-картине мира респондента (что в дискурсии реализуется как причина миграции, как эта причина формирует дальнейшее ожидание, связанное с новой родиной?);

2) анализ смыслового наполнения темы «Жизнь в Беларуси после миграции» с опорой на такие темы, как «Род деятельности», «Взаимодействие», «Проблемы»;

3) сопоставление данных тематических блоков с позиции причинно-следственных отношений, выявление и описание того, насколько присутствует в репрезентации и аргументировании респондентом жизни её семьи в Беларуси феномен былого ожидания.

Научный руководитель – И.Ф. Ухванова, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка языковой коммуникации Белорусского государственного университета

Изучение содержания дискурсии осуществлялось при помощи качественного анализа [7] на основе Обоснованной теории [8–9], при этом в фокус внимания исследователя дискурс попадает в единстве трёх его составляющих: действительность – концептуальное восприятие действительности (членение, категоризация в индивидуальном дискурсе) – языковая репрезентация [9, с. 12]. Наряду с качественным анализом мы учитываем и количественную реализацию, поскольку она может сигнализировать дискурсивную значимость определённых феноменов, получивших реализацию в дискурсе [9, с. 19]. Для упрощения процедуры исследования мы используем программное обеспечение качественного анализа данных MaxQDA [10–11], а именно следующие его функции:

1) *Функция построения тематических деревьев.* Она используется на этапе первичного тематического анализа. На этапе вторичного глубинного анализа тематические деревья используются как легко управляемый гипертекст [10, с. 37].

2) *Функция лексического поиска по тексту.* При вводе лексического компонента в строку поиска программа отыскивает все позиции данного слова и указывает абзац, в котором оно присутствует (рисунок 1). Одновременно происходит выделение данного слова в тексте [10, с. 41].

3) *Функция быстрого анализа частотности слов.* При выборе данной функции в виде таблицы подаётся список всех слов из текста (рисунок 2). Из этого списка мы можем выбрать интересующий нас компонент по самому слову (в алфавитном порядке), процентному соотношению искомого слова ко всему тексту либо длине слова (например, при поиске местоимений, междометий) [10, с. 43].

Документ	Поиск	Страница	Абзац
= Фатима	побили	1	2
= Фатима	побили	1	2
= Фатима	побили	1	7
= Фатима	побили	1	7
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	12
= Фатима	побили	1	30
= Фатима	побили	1	30
= Фатима	побили	1	59

Рисунок 1

Слово	Длина слова	Частота	%	Фатима
поближе	7	1	0,01	1
побили...	7	1	0,01	1
побили	6	12	0,13	12
побальзай	9	1	0,01	1
по-ноему	8	7	0,08	7
по-другому	10	1	0,01	1
по	2	15	0,16	15
плохо	5	6	0,07	6
пленяница	10	1	0,01	1
пленяники	10	1	0,01	1
пленяник	9	2	0,02	2

Рисунок 2

Материалом для данной публикации послужило лейтмотивное глубинное интервью с беженкой из Афганистана, проведённое в июне 2011 г. Данные о респонденте: Фатима, женщина, 18 лет, родилась в Афганистане, выросла в Беларуси, владеет афганским и русским языками, студентка ВУЗа (платное отделение), работник одной из организаций по оказанию помощи и содействия беженцам.

В результате первичного тематического анализа нами была выстроена тематическая модель дискурсии, репрезентирующая специфику членения и структурирования респондентом окружающего мира. Как было выявлено, выделение даже самой малой темы возможно только на фоне целостного содержания дискурса, как актуального (текст), так и потенциального (контекст), поскольку именно данные категории расширяют, а вместе с тем и индивидуализируют семантическое наполнение каждой лексической единицы, формирующей тему. На операциональном уровне тема коррелирует с внеязыковой действительностью через ситуацию, ввиду чего она может быть кодирована посредством номинализации [12]. Кодированные темы структурируются иерархически путём установления логических отношений взаимозависимости (причина, след-

стве, цель, условия, последовательность и т.д.) [8, с. 97]. Тематическая структура дискурса может быть отображена в виде тематического дерева (рисунок 3).

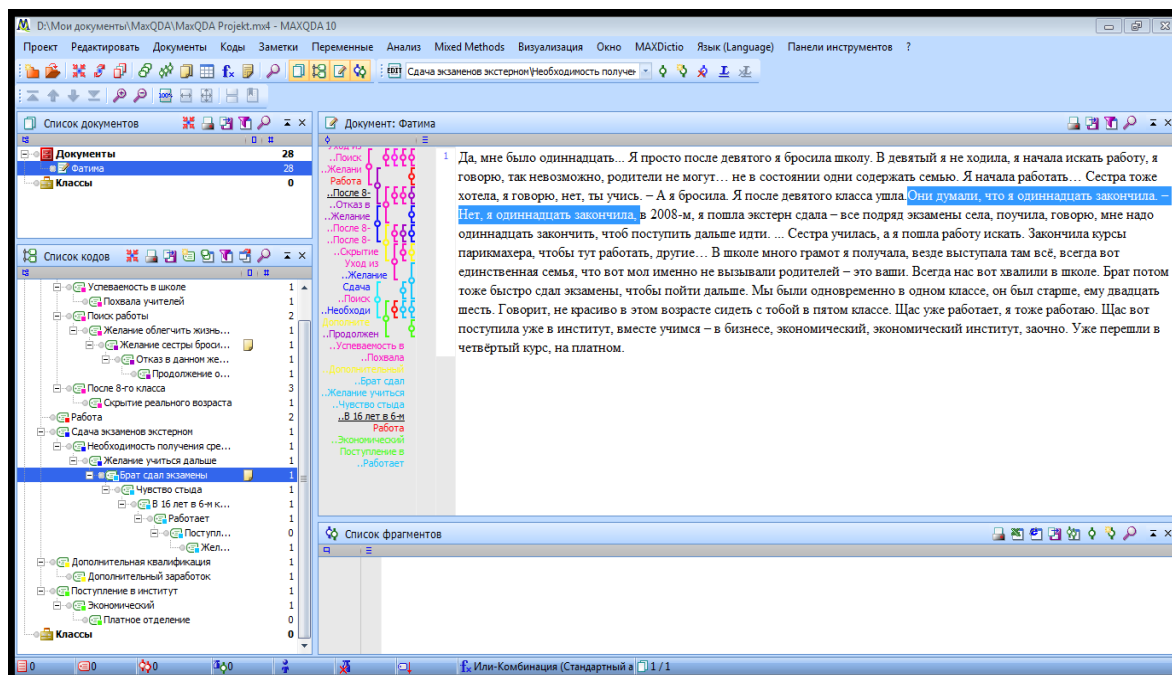

Рисунок 3

Тематическая структура анализируемой дискурсии представлена такими тематическими блоками, как «Беженство», «Жизнь семьи в Беларуси в первое время после переезда», «Семья», «Род занятий», «Самоидентификация», «Взаимодействие», «Жизнь беженцев в Беларуси», «Проблемы».

1. Реализация темы «Беженство» в дискурсе Фатимы

В дискурсе респондента тема «Миграция» реализуется посредством набора некоторых сценариев, репрезентированных как некие картины, реконструируемые из памяти респондента.

«Сценарий насилия». Причина миграции сопряжена имплицитно с войной и военными действиями. На лексическом уровне «сценарий насилия» конституируется посредством глаголов с семантическим компонентом «насилие»: *‘ворвались’*, *‘изнасиловали’*, *‘убили’*, *‘забрали’*, *‘побили’*. Вместе с тем дискурс респондента лишён конкретного наполнения, очертания событий предстают весьма размытыми. Так, респондент с трудом или вовсе не идентифицирует географические объекты, на вербальном уровне это передаётся посредством неопределённо-личных местоимений *‘какой-то дом’*, *‘что-то случилось’*, *‘что-то было такое страшное место’*. Маршрут «перемещения» респондента и её семьи осуществляется *‘оттуда’ – ‘туда’ (соседи все собрались, чтобы уехать оттуда ...ещё там люди были, они тоже пошли туда)*. Неопределёнными остаются и субъекты, совершающие насилие: они никак не идентифицируются (номинативно либо атрибутивно), не категоризируются (представителями какой национальной, религиозной и др. группы они являются), не объективируются эмоционально-оценочно. «Сценарий насилия» передаётся преимущественно безличными конструкциями (*и к ним как ворвались и к нам пришли, забрали моих сестёр двоих // там девочку изнасиловали*), а субъекты объективируются посредством местоимения *‘они’*.

На стилистическом уровне сценарий насилия реализуется посредством набора шаблонных действий, нацеленных на стереотипическое воздействие (сожаление, утешение), что находит отражение в многократных лексических повторах: *‘ворвались’* – 4 раза, *‘побили’* – 13 раз, *‘страшн-ый/ые’* – 7 раз, *‘забрали’* – 8 раз (из трёх страниц текста, раскрывающих данную тему).

«Сценарий ужаса». В своём дискурсе респондент несколько раз заявляет о войне как о страшном опыте, который наложил отпечаток на всю её дальнейшую жизнь (*он говорит: у тебя характер, тебе надо поменяться. – Я ему сказала: просто представь себя на моё место, через чего я прошла, тогда и не надо говорить*). Однако данный тезис не получает развития в дискурсии. Единственным атрибутом пережитых событий выступает прилагательное *‘страшный’*, эксплицируемое по отношению к некоему месту (*помню, что такие страшные места были, что люди погибли там вот // что-то было такое страшное место и снизу там было очень глубоко*).

«Сценарий эпического нарратива». Уже в самом начале интервью респондент принимает роль повествователя, подготавливающего слушателя к захватывающему рассказу (*Я сама мечтала написать книгу о своей жизни*). Характеристики художественного повествования реализуются на нескольких уровнях. На уровне текстовой структуры отчётливо выделяется зачин (*Я всё помню... Мы были маленькие... Ну, и там резко началась война...*), развитие нарратива, отражающее последовательность событий (*потом... потом...*), и окончание (*А потом всё закончилось*). На стилистическом уровне наблюдаются многократные повторы, создающие эффект длительности (*мы шли, шли, шли, шли, оставшие там* – слово *‘шли’* отмечено 11 раз).

Принимая роль эпического повествователя, респондент прибегает к суггестивным художественным приёмам, например, использует деталь, привлекающую внимание слушателя, формирует его оценку. Так, эксплицируя золотую медаль, полученную отцом, респондент акцентирует внимание на положительных качествах храбрости, доблести, отваги (*Ну, у папы, получается, были друзья, потом он получил золотую медаль за то, что их спас*). Стремясь придать возвышенность своему повествованию, респондент использует деталь «семейная реликвия», в частности, когда наделяет её большей значимостью, чем безопасность жизни членов семьи (*И у мамы что-то осталось на руках – то ли бабушка ей подарила – как у нас... по нашим обычаям родители что-то дарят, от семьи к семье что-то переходит. Поэтому мама не хотела вот отдать*).

2. Релизация темы «Жизнь семьи в Беларуси» в дискурсе Фатимы

2.1 Структурно-семантическое наполнение темы «Проблемы». Тему «Проблемы» целесообразно хронологически разделить на два блока. Тематическое поле «Проблемы в первое время после переезда» представлено в дискурсе респондента двумя темами – «Угрозы» и «Бедность, нужда».

Как и в теме «Миграция», структурно-семантическое наполнение темы «Угрозы» характеризуется безличностью. Характерно наличие тех же глагольных компонентов *‘ворвались’* и *‘побили’*. Как и в предыдущей теме, аргументация респондента лишена причинно-следственного наполнения: кто такие нападающие и почему они «ворвались» и «побили»? Очевидно только, что данные субъекты исключаются респондентом из круга «своих» (*потом опять какие-то люди именно наших узнали, что мы уже там, к нам ворвались*) и противопоставляются «нашим».

Тему «Бедность, нужда» формируют подтемы «Отсутствие жилья» (*мы оказались опять на улице*), «Отсутствие пищи» (*сестра плакала, кушать хотела*), «Отсутствие прописки». Так, последняя подтема представлена в дискурсе в развёрнутом виде – через ситуацию «Судебное разбирательство» (*Пошли в суд, узнали, что это, получается, выписывают нас, через суд*). Характерно, что сценарий бедствия семьи респондент

подаёт не через собственные переживания, а посредством акцентирования страдания членов своей семьи (*купить сестре – она очень сильно кушать хотела // еду маме из школы приносила, чтобы она ела*). Сама же респондент принимает на себя роль «старшего», «опекуна» (*Были, что издевались надо мной, но я терпела*).

Тема «Проблемы в настоящее время» формируется несколькими подтемами – «Проблемы с жильём и пропиской», «Материальные трудности», «Проблемы взаимодействия с коллегами». Все три подтемы связаны друг с другом следующими причинно-следственными отношениями: причиной плохого материального положения выступают затраты на жильё и прописку, а также плохое отношение к респонденту со стороны «других».

«Жильё» и «прописка» реализуются в дискурсе респондента как «желаемые материальные объекты» (*если бы у нас было жильё или хотя бы прописка*), «объекты, требующих больших затрат» (*это невозможно, тяжело... Тем более щас уже всё подорожало*). Оплата жилья и прописки как непосильная нагрузка на лексическом уровне реализуется при помощи эмоционально-оценочных слов ‘тяжело’ (*Щас с жильём очень тяжело*), ‘невозможно’ (*И триста пятьдесят там за квартиру платим, долларов, это невозможно, тяжело*), ‘бешеные деньги’ (*это 200 долларов за человека – это бешеные деньги*), ‘две копейки’ (*реально тяжело. Зарабатывать 2 копейки, потом за квартиру платим*).

Жильё реализуется как желаемый объект, получение которого зависит от решения некоторых субъектов. Однако данные субъекты в большинстве случаев не объективируются, выступают безлично (*попросила насчёт жилья, чтобы разрешили беженцам, пенсионерам // чтобы самые последние этажи, социальное жильё там, как-нибудь разрешили отремонтировать*). Тем не менее, эксплицируется оценка респондента по отношению к данным субъектам – пренебрежение, умаление значимости, которая формируется посредством глаголов 3 л. мн. ч. ‘сидели и решали’ (*пока они сидели и решали, мы уже получили гражданство, теперь мы уже в это не входим*).

Тема «Проблемы с жильём и пропиской» выступает определённым фоном темы «Взаимоотношения», поскольку обуславливает её характер. Сама респондент заявляет, что у неё плохие отношения с коллегами (*У меня друзей, как реально сказать, нету так нормально, чтобы друзья*). В качестве причин плохого обращения со стороны «других» в аргументативных структурах дискурса респондент эксплицирует зависть, расизм, ненависть по отношению к иностранцам. При этом виноватыми оказываются и те, кто зарплату не поднимают, и те, кто квартплату в долларах берут (*они же в рублях не берут*) – все данные субъекты выносятся за рамки «своего» мира и объективируются посредством местоимения ‘они’.

2.2 Структурно-семантическое наполнение темы «Род деятельности». В дискурсе респондента тема «Род деятельности» реализуется в двух направлениях: 1) семантически коррелирует с темой «Бедность, нужда», 2) порождает новую тему – «Участие белорусского государства в интеграции беженцев».

Трудности, с которыми пришлось столкнуться семье респондента по приезде в Беларусь, реализуются в дискурсе респондента как «вынужденная деятельность» (*когда мы с братом были маленькие, ходили бутылки собирать, чтобы что-нибудь купить, чтобы поест*). Характерно, что в качестве субъектов «вынужденной деятельности» в дискурсе респондента выступают только она сама, её брат и сестра, которых она неоднократно атрибутирует прилагательным ‘маленький’. Вместе с тем из субъектов «вынужденной деятельности» практически исключаются взрослые, которые в данном тематическом поле дискурса либо выступают в пассивной роли, либо не эксплицируются вовсе (*Всё, что давали в школе нам кушать, я приносила домой, чтобы мама ела*). Та-

ким образом, респондент рисует образ мира, «жестокое по отношению к детям», непрерывно прибегая к приёмам эпического повествования.

Второй блок темы «Род деятельности» реализуется как «деятельность, возможная в условиях государственной политики по отношению к беженцам». Данный блок формируют подтемы «Учёба в школе», «Посещение различных образовательных курсов», «Посещение центра по работе с национальными культурами», хронологически более поздняя «Учёба в университете». Так, доступность образования для беженцев в условиях Беларуси формируется в дискурсе в подтеме «Отсутствие бюрократических процедур» (*Мы только отнесли договор, где мы жили, и свидетельство о рождении на родном языке – и всё. Всё показали – нас записали*). На лексическом уровне это конституируется посредством ряда модальных частиц, семантически формирующих тему «доброжелательность, лояльность, уступка»: ‘только’ (*Мы только отнесли договор*), ‘вообще’ (*мы вообще без документов ходили*), ‘даже’ (*нам тут ничего не говорили, даже не спрашивали*), ‘ну, ладно’, ‘сойдёт’ (*ну, ладно, говорит, а есть свидетельство о рождении? – Мы говорим: тут на родном языке. – Сойдёт, говорит, приносите*).

Таким образом, нами были реконструированы новые темы: «Предоставление права на бесплатное среднее образование детям беженцев», «Организация бесплатных курсов профессиональной подготовки для беженцев», «Ориентирование на сохранение и развитие национального языка и культуры беженцев в условиях Беларуси».

2.3 Структурно-семантическое наполнение темы «Взаимодействие». Тема «Взаимодействие» формируется двумя большими блоками: «Мир своих» и «Мир чужих». Включение респондентом субъектов в «Мир своих» осуществляется на основании критерия «оказание материальной либо моральной помощи». Как «своих» в первое время после переезда идентифицирует 1) друзей отца, предоставивших её семье кров на некоторое время, 2) соседку, помогавшую её семье, 3) учителей, хорошо относившихся к ней в школе и 4) участкового, заботившегося о спокойствии её семьи. На лексическом уровне маркирование круга «своих» осуществляется посредством компонентов ‘добрая’ (соседка), ‘хороший, бедненький’ (участковый), ‘хорошие отношения’ (с учителями).

Исключение ряда субъектов из «Мира своих» осуществляется на основании нескольких критериев: 1) это люди, которые не оказали семье респондента помощь (хозяин квартиры, афганские друзья); 2) все те, кто не понимает её тяжёлого положения по причине хорошего материального достатка (одноклассницы из школы).

Взаимодействие в теме «Жизнь в настоящее время» сосредоточено на структуре «Общение внутри трудового коллектива». Так, респондент позиционирует себя как одинокого, непонятого человека и эксплицирует желание вернуться в Афганистан. Такая маргинализация респондента реализуется в её дискурсе посредством оценочных компонентов ‘лишняя’ (*Вот типа ты лишняя*), ‘дурочка’ (*дурочкой себя чувствуешь*), ‘ненормальная’ (*Как ненормальной себя чувствуешь*), ‘пялиться’ (*чтобы все на тебя пялились, смотрели*), ‘стерва’ (*есть такое чувство, что она стерва*).

В дискурсе респондента получает развитие тема «Взаимодействие с афганцами». Респондент исключает других афганцев из мира «своих» на основании следующих критериев: корысть (*Они как дружат? Когда им что-то надо*); зависть её успехам (*мама говорит: они просто завидуют тебе, что ты учишься, и успеваешь, и везде ходишь*). В качестве отдельной аргументативной структуры в дискурсе реализуется критерий национально-культурных различий внутри афганской нации, основанный на признаке «чистокровия» (*Просто наши начали со мной ругаться, что я чистокровная афганка, они таджики и паштунки*).

Заклучение

В дискурсе респондента феномен миграции реализуется посредством темы «Беженство» и созвучен с феноменом войны. На структурно-семантическом уровне данная тема реализуется через несколько сценариев: «сценария насилия», «сценария ужаса», «сценария эпического нарратива». Однако в дискурсе респондента конструкт войны и насилия лишен логической структуры: из дискурса не ясно, кто и почему насильствовал и убивал. Не определёнными остаются субъекты насилия, они никак не объективируются, не категоризируются, не оцениваются, на вербальном уровне реализуются посредством безличных конструкций либо местоимения 'они'. Сценарий войны и насилия в дискурсе лишён фактологической составляющей, аналитизма (респондент не осведомлен о событиях тех лет).

Причины беженства присутствуют в дискурсе респондента лишь имплицитно – это голод, нужда, угроза жизни, желание спасти уцелевших членов семьи и реализуются лишь как обрывки памяти. Репрезентация явления беженства носит в дискурсе шаблонный характер и вербализуется посредством многочисленных повторов. В репрезентации беженства семьи практически отсутствует эмоционально-оценочная составляющая. Вместе с тем респондент апеллирует к большому опыту, якобы имевшему место в её жизни по причине войны, использует данный довод в качестве аргумента своей мудрости и даже превосходства над другими (*как бы они [коллеги по работе] говорят: «Мы в ихнюю роль входим, мы их жизнь знаем» – это неправда. Откуда им знать? – Они ж не вошли в мою роль, что я свои мечты оставила где-то на полку и пошла дальше*).

Процесс беженства семьи подаётся посредством нарративной структуры – как трансляция последовательности событий, воспринятых, вероятнее всего, из рассказов родителей (*шли, шли, шли*). Очевидно, респондент стремится придать беженству эмоциональность, пафос, исходя из своей нынешней ситуации. Так, респондент создаёт эпические образы «отважного героя» (отца), «хранителя семейной традиции» (матери), а на себя принимает роли «эпического повествователя», «героя с тяжёлым прошлым», «опекуна своей семьи», стремясь при этом побудить к сочувствию, умилению и восхищению (*Моя жизнь вызывает слёзы*).

Характерно, что в изображении войны респондент сосредотачивает внимание исключительно на своей семье, вынося «других» за рамки данного опыта – 'соседи', 'другие' или просто 'там'. Сценарий «насилие над народом в процессе войны» сужается в дискурсе респондента до сценария «преследование отдельной семьи» (*Боже, ну как это можно, вот некоторые [беженцы] говорят: «Нам было плохо, мы через это прошли». – То, через что мы прошли – это никому не передать*). Соответственно, индивидуальным выступает и мотив насилия над семьёй – «преследование из-за обладания «высокими» признаками (*они же не чистокровные афганцы...*). В пользу индивидуализации феномена беженства говорит и дальнейшее, хронологически более позднее исключение других афганцев из круга «своих» на основании признака «внутринациональные различия» (тема «Проблемы»), локализация ценностно-жизненного пространства в рамках своей семьи (тема «Взаимодействие»). Всех членов своей семьи респондент представляет как жертв, что реализуется посредством лексемы 'беденький', сама же выступает в роли «опекуна» и «эксперта».

Как и в теме «Беженство», в теме «Род деятельности» повторяется стилистика поэтизации личного жизненного опыта. Респондент акцентирует свои трудности как особенные, незнакомые другим, прибегает к стереотипичным сценариям (маленький брат работал). Вместе с тем она не учитывает фоновых знаний коммуниканта-адресата – интервьюера (мы знаем, что работа детей запрещена). Респондент путается в датах, из её рассказа очень трудно понять, когда брату было 5 лет, а когда 15 – по отношению и к тому и к другому возрасту используется прилагательное 'маленький'.

В дискурсе респондента беженство выступает в качестве аргумента при взаимодействии с другими индивидами (начальство, коллеги). При помощи него респондент закрепляет за собой роль жертвы, оправдывает свои претензии на определённые блага (например, более высокую зарплату). Невыполнение данных требований «другими», атрибутирует их как «чёрствых», «расистов», «непонимающих».

Таким образом, в дискурс-картине мира респондента, сосредоточенной на постмиграционном периоде жизни, не присутствует феномен былого ожидания (мир, покой, работа). Дискурс-картину мира респондента можно свести к структуре «Я – беженка, которая очень много пережила, однако меня никто не понимает, потому что люди жестоки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Ingo, H. Diskurslinguistik nach Foucault: Theorie und Gegenstände / H. Ingo, (Hg.) Warnke – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2007. – 278 s.
3. Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / И.Ф. Ухванова-Шмыгова, А.А. Маркович, В.Н. Ухванов ; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : Технопринт, 2002. – Вып. 3. – 360 с.
4. Попова, А.В. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации / А.В. Попова. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – 153 с.
5. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов ; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : Бел. гос. ун-т, 2008. – Вып. 5. – 271 с.
6. Савич, Е.В. Теория контекста применительно к исследованию дискурса / Е.В. Савич // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1. Филология. – 2010. – № 3(46). – С. 36–44.
7. Ядов, В.А. Стратегии социологического исследования / В.А. Ядов. – М., 2003. – 567 с.
8. Страусс, А. Основы качественного исследования. Обоснованная теория: процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин. – М. : УРСС, 2001. – 253 с.
9. Strübing, J. Grounded Theory / J. Strübing. – Wiesbaden : VS Verlag, 2004. – 182 s.
10. Kuckartz, Udo. Einführung in die computergestützte Analyse qualitativer Daten / Udo Kuckartz. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 255 s.
11. Kuckartz, U. Qualitative Datenanalyse computergestützt. Methodische hintergründe und Beispiele aus der Forschungspraxis / U. Kuckartz, H. Grunenberg, A. Lauterbach. – Wiesbaden : VS Verlag, 2004.
12. Дейк, Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. Дейк, В. Кинч [Электронный ресурс] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm>. – Дата доступа : 11.05.2012.

Yadchenko E. Structural and Semantic Content of the Topic «Migration» Realized in the Individual Discourse-picture of the World of Refugee

The paper was written in the linguistics discourse analysis. The object of research is the content of a leitmotiv in-depth interview with a refugee from Afghanistan living in Belarus. As a result of the primary analysis the author allocated a basic theme stated in the refugee discourse, described the specifics of individual thematic division of the world for certain fragments. This article presents the experience of the secondary-depth analysis of structural and semantic content of the theme «Migration», implemented as a separate unit in the thematic structure of the refugee discourse. On the methodological-operational level the author uses the concept of discourse picture of the world and offers the possibility of reconstruction of this from the individual discourse of respondent. The article demonstrates the potential of linguistic methodology for the social sciences and provides an integrative view of the object under study.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.05.2012